Ганс Христиан Андерсен

# Колокольный сторож Оле

В свете все идет то в гору, то под гору, то под гору, то в гору! Мне уже выше не подняться! — говаривал колокольный сторож Оле. — В гору — под гору, под гору — в гору, это всем приходится испытать! Под конец же все мы, в сущности, становимся колокольными сторожами — смотрим на жизнь и вещи сверху вниз.
Так говаривал мой приятель Оле, колокольный сторож, веселый, словоохотливый старик. Казалось, у него что на уме, то и на языке, но он много чего таил у себя на душе. Происхождения он был хорошего; поговаривали, что он сын важного чиновника, или мог бы быть им; он получил образование, побывал помощником учителя, потом помощником пономаря, но толку из того не вышло! Оле жил у пономаря на всем готовом, а он был в те времена еще молод и любил-таки щегольнуть, как говорится; ну вот, он и требовал для своих сапог глянц-ваксы, а пономарь отпускал ему только простую смазку, оттого они и не поладили. Один заговорил о скупости, другой о суетности; вакса стала черной причиной их ссоры, и они расстались. Но требования Оле остались те же: он и от всего света требовал глянц-ваксы, а получал всегда только простую смазку; вот он и ушел от людей, сделался отшельником. Но отшельническую келью, да еще с куском хлеба, можно найти в большом городе только на колокольне. Туда-то и забрался Оле и прохаживался по вышке один-одинешенек, покуривая свою трубочку. Глядел он вниз, глядел и вверх, и рассказывал о том, что видел и чего не видел, что прочел в книгах и что в своей душе. Я часто снабжал его книгами, только хорошими: скажи, с кем водишься, и я скажу, кто ты таков! Оле не любил назидательных английских романов, не любил и французских, состряпанных из ветра и изюмных стебельков. Он просил у меня описания жизни людей и чудес природы. Я навещал Оле по крайней мере раз в год, обыкновенно вскоре после Нового года: в это время у приятеля моего всегда находилось о чем поговорить, всегда было в запасе что-нибудь такое, имеющее связь с переменой года.
Расскажу здесь о двух посещениях, стараясь, по возможности, держаться собственных слов Оле.

Посещение первое
В числе книг, данных мною Оле в последний раз, была одна о валунах; она-то особенно и понравилась ему.
— Вот чей юбилей следует отпраздновать — юбилей валунов! — сказал мне Оле. — А мимо них проходят, даже не замечая их. Я сам так делал, гуляя по полю и по берегу, где их лежат сотни. На мостовой же эти остатки седой старины равнодушно попираются ногами! И я делал тоже! Но теперь я смотрю на каждый камень мостовой с глубоким почтением! Спасибо за эту книжку! Она овладела моим вниманием, освободила меня от старых предрассудков и привычек и возбудила желание прочесть побольше таких книг. Роман земли все-таки интереснее всех романов! Жаль только, что нельзя прочесть первых его глав: они написаны на таком языке, которому мы не учились; приходится читать по слоям, кремневым пластам различных земных периодов, а действующие лица, Адам и Ева, появляются только в шестой главе. Некоторым читателям такое появление кажется несколько запоздалым: им подавай живых лиц в самом начале земного романа, ну а мне — все равно. Да, вот роман со сказочным содержанием, и все мы выведены в нем! Мы барахтаемся, копошимся, ползаем и — все ни с места, а шар-то вертится себе да вертится, не выливая на нас океана. Корка, по которой мы ходим, тверда, так что мы не проваливаемся, и вот роман тянется миллионы лет, а продолжение все впереди. Спасибо за книгу о валунах! Вот молодцы! Умей они говорить, они бы рассказали кое о чем! Право, забавно этак, сидя тут, на вышке, превратиться в нуль, вспомнив, что все мы, со всей нашей глянц-ваксой, орденами, движением вперед, — только минутные муравьи на земной куче! Да, чувствуешь себя таким молокососом в сравнении с этими миллионолетними валунами, что просто неловко становится. Я

читал книгу как раз под Новый год и так углубился в нее, что позабыл доставить себе обычное удовольствие — поглядеть, как «мчится на Амагер дикая орда». Да, вы-то, пожалуй, об этом и не знаете!

О полете ведьм на шабаш знают все; это бывает в Иванову ночь, и слетаются они на гору Брокен. Но у нас бывает свой, туземный и современный, шабаш на Амагере в ночь под Новый год. Все плохие поэты и поэтессы, музыканты, журналисты и другие никуда не годные артистические величины мчатся в ночь под Новый год по воздуху на Амагер; летят они верхом на кисточках или гусиных перьях — стальные не годятся: слишком тверды, не гнутся. Я, как сказано, смотрю на путешествие дикой орды каждый год и многих из путешественников мог бы назвать вам по именам — не стоит только связываться! Им смерть не хочется, чтобы люди знали об их ежегодном ночном путешествии, верхом на перьях, на Амагер, но у меня есть одна дальняя родственница, торговка рыбой и поставщица бранных слов в три уважаемые газеты как она говорит, — и она раз присутствовала на таком шабаше в качестве гостьи. Ее принесли туда, так как сама она не держит в руках пера и верхом ездить не умеет. Так вот, она-то мне обо всем и рассказала. Половина из ее рассказов — ложь, но и остальной половины довольно. Начался праздник песнями; каждый из гостей написал свою и пел свою — она ведь была лучше всех! Да и не все ли равно? Все пели на один лад! Затем «труженики языка» маршировали небольшими кучками. Тут были и звонари, что звонят по домам, и маленькие барабанщики, что барабанят в семействах. Потом те, кому нужно было, познакомились с писаками, что пускают свои статейки без подписи — чтобы смазка могла сойти за глянц-ваксу! Между ними был палач и его подручный; подручный-то и был самым резким на язык — иначе на него не обратили бы внимания! Был тут и мусорщик, который вываливал из ящика мусор, приговаривая: «Хорошо, очень хорошо, замечательно хорошо!» В самый разгар «веселья» из помойной ямы вырос стебель, дерево, чудовищный цветок, огромный гриб, целая крыша; это была «елка» честного собрания; на ней было навешано все, что они в продолжение старого года дали миру. От нее сыпались искры, словно блуждающие огоньки летали; это были заимствованные мысли и взятые напрокат идеи, которыми участники веселья пользовались; теперь они освободились и взлетели на воздух фейерверком. Началась игра в «жгут горит»; поэтики же играли в «сердце горит», краснобаи сыпали остротами — иначе они не могут, — и остроты гремели, точно разбивались о двери пустые горшки или горшки с золою. Ужасно весело было — по словам моей родственницы! Собственно говоря, она высыпала еще с три короба злых, но остроумных замечаний, но я не стану повторять их: надо быть добрыми людьми, а не критиками. Теперь вы поймете, что я, зная о таком празднике, не упускаю случая ежегодно, в ночь под Новый год, посмотреть, как мчится дикая орда. Иной год случается мне хватиться некоторых прошлогодних путешественников, зато прибавляется обыкновенно и несколько новых. Нынешний же год я прозевал зрелище, катясь вместе с валунами через миллионы лет. Я видел, как они отрывались от скал севера, скатывались вниз, плавали на льдинах задолго до построения Ноева ковчега, падали в воду, погружались на дно и вновь подымались на поверхность вместе с песчаной отмелью, которая говорила: «Здесь будет Зеландия!» Я видел, как эти камни служили седалищем для неизвестных нам пород птиц, троном для предводителей диких дружин, имен которых мы тоже не знаем; видел, наконец, как на некоторых из камней вырубили топором рунические знаки. Этим камням, таким образом, отведено место в счислении времени, зато сам я окончательно потерял всякое представление о времени, превратился в нуль... В это время с неба упали три-четыре прелестные звездочки, и мысли мои приняли другой оборот. Вы знаете, что такое падающие звезды? Ученые ведь этого не знают! Я смотрю на них по-своему.

Как часто посылают люди тайное, немое спасибо человеку, совершившему нечто прекрасное, доброе; спасибо это беззвучно, но оно не пропадает даром. По-моему, это молчаливое, тайное

спасибо подхватывается солнечным лучом, который затем и возлагает его на голову благодетеля. Если же случается, что целый народ посылает такое спасибо давно умершему благодетелю, с неба падает на его могилу яркий букет — звездочка. И мне доставляет истинное удовольствие угадывать, особенно в ночь под Новый год, кому назначается этот благодарственный букет. В последний раз звезда упала на юго-западный берег; это было спасибо многим, многим! Кому же именно? По-моему, звезда, наверное, упала на крутой берег Фленсборгского залива, где веет Данеброг над могилами Шлэппегреля, Лэссе (Датские офицеры, павшие геройской смертью в первую датско-прусскую воину (1848 — 1850) — Примеч. перев. ) и их товарищей. Потом раз я видел, как скатилась звезда в самую середину страны — в Сорё, на могилу Гольберга. Это было спасибо от многих читателей его дивных комедий!
И что за великая, радостная мысль — сознавать, что на твою могилу скатится такая звездочка!.. На мою-то не упадет ни одна, ни один солнечный луч не принесет мне спасибо — не за что! Мне не удалось добиться глянц-ваксы; моя судьба — довольствоваться простой смазкой.

Посещение второе
В первый день Нового года я поднялся на колокольню, и Оле заговорил о тостах, которые осушаются по случаю перехода от старой «канители» — как он назвал год — к новой. Тут я услышал от него историю о бокалах, и в ней была недурная мысль.
— Едва часы в ночь под Новый год пробьют двенадцать, люди встают с мест с полными бокалами в руках и пьют за здоровье Нового года. Год начинают с бокалами в руках — недурное начало для пьяниц! Начинают год тем, что ложатся спать, — хорошее начало для лентяев! И сон, и бокалы действительно играют в течение года немалую роль! А знаете вы, что в бокалах? — спросил меня Оле. — В них здоровье, радость и веселье! Но в них же и злополучие, и величайшие несчастья! Считая бокалы, я, конечно, подразумеваю степени опьянения.
Вот первый бокал, бокал здоровья! В нем растет цветок здоровья; посади его в своем доме — и к концу года будешь сидеть в беседке здоровья!
Возьмете второй бокал — из него вылетает птичка; она невинно-радостно щебечет; человек прислушивается и невольно подпевает ей: «Жизнь прекрасна! Не надо вешать носа! Смело вперед!»
Из третьего бокала вылетает маленькое крылатое существо; ангелочком его назвать нельзя — он из породы домовых, но не издевается, а только шутит. Он прильнет к уху человека и начнет нашептывать забавные выдумки, уляжется у его сердца и так согревает его, что человеку хочется шалить и острить, и он действительно становится остряком, по мнению других таких же остряков.
В четвертом бокале нет ни цветка, ни птички, ни крылатого шалуна; в нем черта, проводимая разумом, и за нее никогда не следует переходить.
Если же возьмешь пятый бокал, заплачешь над самим собою, растрогаешься или, наоборот, расшумишься: из бокала выскочит с треском принц Карнавал, невоздержанный на язык, шальной!.. Он увлечет тебя, ты забудешь свое достоинство — если оно у тебя есть! Забудешь многое, больше чем можешь и смеешь. Пляска, пение, звон бокалов!.. Маски увлекают тебя в бешеный вихрь... Перед тобой дочери сатаны в газе и шелке, с распущенными волосами, стройные, красивые... Оторвись от них, коли сможешь!
Шестой бокал!.. В нем уж сидит сам сатана, прекрасно одетый, красноречивый, привлекательный, в высшей степени приятный человечек! Он вполне понимает тебя, находит, что ты прав всегда и во всем, он — твое второе «я»; он является с фонарем, чтобы проводить тебя восвояси. Да, в одной старой легенде рассказывается о святом, который должен был выбрать один из семи смертных грехов и выбрал, как ему казалось, наименьший — пьянство, но благодаря ему впал и во все

остальные. В шестом бокале кровь сатаны, смешанная с человеческой. Только выпей его — все дурные семена, что прячутся в твоей душе, пустят ростки и каждое разрастется, подобно евангельскому горчичному зерну, в целое дерево, которое может покрыть своей тенью весь свет. Большинству людей остается после этого только отправиться в переплавку!
Вот вам история бокалов! — заключил Оле. — Ее можно подавать под соусом и из глянц-ваксы, и из простой смазки. Я подаю ее под обоими.
Это было мое второе посещение Оле; захочешь послушать еще, придется продолжать посещения (Семь лет спустя (1868 г.) автор и написал такое продолжение под названием «День переезда»; сказка эта будет помещена в «Собрании» на своем месте. — Примеч. перев. ).